

ЗА РУБЕЖОМ

НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

О.А. ГУЛЕВИЧ

В рамках данной статьи рассмотрены основные направления изучения представлений о дистрибутивной и процедурной справедливости в Западной Европе и США, а также функции этих представлений. Описаны основные проблемы, возникающие при изучении представлений о справедливости.

Ключевые слова: представления о справедливости/несправедливости, дистрибутивная справедливость, процедурная справедливость.

Интенсивный интерес к обыденным представлениям о справедливости появился у психологов в 1950-х гг. Большинство психологических исследований, посвященных изучению представлений о том, что является справедливым, основано на разделении двух типов справедливости: дистрибутивной и процедурной. Под *дистрибутивной* справедливостью понимается справедливость решения, касающегося распределения вознаграждения/наказания между участниками какого-либо события. Под *процедурной* справедливостью понимается справедливость той процедуры, которая используется при вынесении этого решения. Некоторые авторы выделяют третий тип — *межличностную* справедливость, которая связана с оценкой того, насколько вежливо обошлись с участником события и как его информировали о принятом решении. Однако, чаще всего, межличностная справедливость рассматривается как один из аспектов справедливости процедурной. В данной статье бу-

дут рассмотрены направления изучения представлений о двух типах справедливости: дистрибутивной и процедурной (в том числе межличностной).

Представления о справедливости являются важным регулятором человеческого поведения в правовой сфере, в сфере межличностных и деловых отношений. Их значимость проявляется также и при оценке событий, происходящих в экономической и политической жизни целого государства. Одной из причин изучения представлений о справедливости является, по-видимому, серьезность последствий, к которым приводит оценка происходящего как несправедливого. В частности, постоянное столкновение человека с несправедливостью приводит к доминированию в его эмоциональной сфере негативных чувств, например, злости. Возникшая злость оказывает влияние на направление его атрибутивных процессов, вследствие чего человек становится «интуитивным обвинителем», жаждущим жестоко наказать виновника несправедливости, игнорирующим обстоятельства, смягчающие его вину, воспринимающим амбивалентное поведение

*Работа выполнена при поддержке РГНФ;
грант № 02-0600067A.*

деятеля, как однозначно угрожающее, и преуменьшающим роль неконтролируемых факторов в его поведении [13], [15], [16], [28].

Эта тенденция в большей степени характерна для тех, кто постоянно сталкивается с несправедливостью, чем для тех, кто попадает в такие ситуации редко [11]. Кроме того, оценка справедливости процедуры оказывает влияние на некоторые социальные установки человека, например, на его отношение к опыту своего взаимодействия в рамках правовой системы, действиям работников правовых институтов и самим институтам, закону и легитимности правовой системы в целом [22].

Несмотря на то, что психологическое изучение представлений о дистрибутивной и процедурной справедливости началось практически в одно и то же время, исследование этих феноменов шло разными путями.

НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

За почти сорокалетнюю историю изучения представлений о дистрибутивной справедливости, в понимании того, что именно входит в структуру таких представлений, произошли качественные изменения.

Первый аспект изменений связан с пониманием того, что включают в себя представления о дистрибутивной справедливости. С середины 1960-х гг. основным объектом исследования в этой области были нормы дистрибутивной справедливости, т.е. нормы, на основании которых респонденты оценивали справедливость распределения вознаграждения. Когда стало ясно, что о существовании одной доминирующей нормы дистрибутивной справедливости говорить нельзя, исследователи заинтересовались факторами, определяющими выбор одной из возможных норм в данной ситуации. Все это время сторонники подобных исследований оперировали термином «справедливость». Однако в последнее

десятилетие направление изучения представлений о дистрибутивной справедливости сильно изменилось. Это изменение проявляется, прежде всего, в том, что в качестве основной составляющей структуры житейских представлений о справедливости стали рассматриваться типы событий, оценивающихся людьми, как несправедливые, а также стратегии поведения в ситуации несправедливости. Ключевым термином в данном случае является «несправедливость» события, а не его «справедливость».

Второй аспект изменения предмета исследований, посвященных представлениям о дистрибутивной справедливости, касается модификации используемых методов. В исследованиях дистрибутивной справедливости, начатых необихевиористами, вывод о нормах справедливости распределения вознаграждения, использующихся респондентами, делался на основании наблюдения за их поведением. Приход в данную область исследования когнитивистов привел не только к смене исследовательских проблем, но и к изменению методов исследования. В качестве основных методик стали выступать проективные ситуации, а также свободные описания событий и их классификация.

В настоящее время можно выделить следующие **направления изучения** представлений о дистрибутивной справедливости: I. Воссоздание житейского определения справедливости/несправедливости события; II. Выделение видов событий со справедливым/несправедливым исходом; III. Определение норм оценки справедливости/несправедливости события и факторов, влияющих на выбор этих норм; IV. Анализ стратегий поведения людей в ситуациях с несправедливым исходом.

I. *Определение несправедливого события* было сформулировано Г. Микулой [25] и включало в себя пять элементов: нарушение личной неприкосновенности жертвы (1), которое приписывается другим людям больше, чем самой жертве (2) при условии, что нарушитель мог бы

действовать по-другому (3), но поступил именно так (4), не имея достаточных оправданий своему поступку (5). Эмпирические исследования подтвердили важность для житейского определения несправедливости события второго, четвертого и пятого элементов.

II. Выделение типов событий, оценивающихся респондентами как несправедливые — это второе направление изучения житейских представлений о справедливости. Для выделения таких событий респондентов просят описать несколько конкретных ситуаций, которые они могли бы назвать несправедливыми. Среди таких событий выделяются те, которые имеют отношение как к дистрибутивной, так и к процедурной справедливости. На основании полученных результатов исследователи составляют максимально полный перечень таких событий и просят респондентов произвести их классификацию. Обработка результатов классификации дает возможность выделить типы несправедливых событий, существующие в обыденном сознании.

Результаты проведенных исследований указывают, во-первых, на существование дифференцированного представления о процедурной справедливости и относительно простого — о дистрибутивной, и, во-вторых, на культурную специфиичность такого рода представлений.

Например, респонденты из западноевропейских стран, выделяют такие несправедливые события, как: унижение кого-либо (нарушение соглашения, неуважение чувств, нужд и желаний других, использование преимуществ партнера для собственного обогащения); невежливость (неискренность, насмешка над человеком, оскорблениe его); эгоистическое поведение; необоснованное применение власти (нарушение или ограничение автономии человека и его независимости, наказание); кражи; недружелюбное или агрессивное поведение; произвол властных фигур (непризнание ошибок, занижение оценки чьих-то усилий); неправильное распределение благ или наказаний [25]. Примечательно, что в этой

классификации собственно дистрибутивная несправедливость связана только с одним из пунктов — последним, тогда как все остальные типы относятся к процедурной справедливости.

Китайцы рассматривают в качестве несправедливых следующие типы событий: неправильная система оценок поведения деятеля; насилие и безответственность; влияние на оценку события личных предубеждений оцениваемого; оплошность, происшедшая из-за невнимательности деятеля; личные нападки или ложные обвинения; неправильное распределение благ или наказаний; неравные вклады участников взаимодействия [5]. Как и в предыдущем случае, большинство типов несправедливых событий связано с процедурной несправедливостью, что приводит нас к выводу, что дифференцированное представление о процедурной несправедливости характерно для представителей разных культур.

III. Третье направление изучения представлений о справедливости результата связано с исследованием *норм оценки* исхода события как справедливого или несправедливого, а также с выделением *факторов*, влияющих на выбор одной из норм.

Исторически первая норма, существованию которой было найдено эмпирическое подтверждение — это норма беспристрастности, которая может быть сформулирована как «каждому по заслугам» [1]. Утверждение, что беспристрастность является основной нормой дистрибутивной справедливости, принадлежит Дж. Адамсу. Он утверждал, что люди, которые работают вместе и получают за это определенное вознаграждение, склонны руководствоваться при его распределении принципом беспристрастности. И хотя эксперименты, проведенные им и его коллегами, подтвердили это предположение, последующие эмпирические исследования показали наличие ряда других норм справедливости распределения вознаграждения и наказания, использование которых происходит при определенных условиях.

К таким нормам, в первую очередь, относится норма равенства. Результаты исследований показали, что выбор между нормой равенства и нормой беспристрастности осуществляется в зависимости от пола [14], [19], [24] и культурной принадлежности [35] респондентов и их партнеров по решению задачи, целей распределения вознаграждения [31], а также типа вознаграждения и экспериментального задания [30].

Кроме норм беспристрастности и равенства, часто использующимися нормами дистрибутивной справедливости являются распределение вознаграждения в соответствии со способностями, усилиями, потребностями, личностными качествами и ответственностью участников взаимодействия. В данном случае мы имеем дело с пятью нормами, условия использования которых не совсем понятны. В частности, норма распределения вознаграждения в соответствии со способностями участников используется тогда, когда основной целью взаимодействия является повышение продуктивности каждого участника. Однако между распределением вознаграждения по способностям, с одной стороны, и по приложенным усилиям — с другой, люди могут выбрать вторую норму [20].

Роль усилий в определении справедливости результата проявляется как при распределении вознаграждения в событиях с позитивным исходом, так и при распределении наказания в событиях с негативным исходом. Так, оценка справедливости наказания зависит от восприятия причины поведения деятеля: справедливым считается меньшее наказание, если у человека не хватило способностей, чем если он не приложил достаточных усилий для получения позитивного результата [10].

Кроме того, результаты ряда исследований говорят о том, что при распределении вознаграждения респонденты учитывают индивидуальные потребности каждого участника [2], [9].

И, наконец, как справедливый может быть оценен тот результат, который со-

ответствует «позитивности» человека, его получившего, а как несправедливый — тот, который не соответствуют «позитивности» персонажа. Например, справедливым будет считаться то, что социальный работник с двадцатилетним стажем выигрывает в лотерею 200 тыс. долларов или что коттедж наркодилера разрушен ураганом [26]. Вариант нормы распределения вознаграждения в зависимости от личностных характеристик человека является принцип, согласно которому наказание должно зависеть от степени ответственности деятеля. Другими словами, в событиях с негативным исходом люди считают справедливым получение более серьезного наказания для более ответственного за происшедшее человека [10].

В последние годы, благодаря популярности исследования межгрупповых отношений, была выделена и еще одна норма дистрибутивной справедливости, в которой учитывается групповоечество претендентов на вознаграждение. Согласно этой норме, член своей социальной группы должен получить большее вознаграждение, чем член другой группы. Эта норма является одним из проявлений ингруппового фаворитизма, который не проявляется в ситуации межличностного общения, когда групповая принадлежность претендентов на вознаграждение и тех, кто его распределяет, неизвестна респондентам. В этой ситуации респонденты более позитивно оценивают людей, распределяющих вознаграждение в соответствии с нормой беспристрастности. В то же время, в межгрупповой ситуации, когда респондентам известна групповая принадлежность людей, распределяющих вознаграждение, «распределители», принадлежащие к той же социальной группе, что и респонденты, оцениваются более позитивно, чем члены аутгруппы, вне зависимости от того, какую норму они используют [27].

IV. Четвертым направлением изучения представлений о дистрибутивной справедливости является выделение жизненных стратегий поведения в ситуа-

циях несправедливости. Результаты проведенных в Китае исследований показали, например, что к числу наиболее популярных среди китайцев стратегий реагирования на несправедливость относятся: воздаяние посредством судьбы, при котором любые исходы ситуации, даже несправедливые, рассматриваются как судьба, т.е. как должно; переоценка, при которой человек рассматривает неудачу в одной сфере, как причину удачи в другой; воздаяние в загробном мире, согласно которому хороший человек получит вознаграждение после смерти, вне зависимости от того, что получает на земле; восстановление справедливости через потомков нарушителя, при котором несправедливость, совершаемая человеком, отразится на его потомках; вмешательство других, при котором нарушителя наказывает не жертва, а другие люди [6], [7].

Это направление исследований возникло относительно недавно и в настоящее время не пользуется большой популярностью, несмотря на неисследованность данной проблемы. Недостаток эмпирических результатов не позволяет сделать выводов о половых, возрастных, ситуативных и других различиях в принятии тех или иных стратегий поведения. По той же причине неизвестна степень их культурной специфики, хотя полученные китайскими психологами результаты позволяют предположить наличие такой специфики.

Несмотря на качественные изменения в изучении представлений о дистрибутивной справедливости, происшедшие за последние годы, в этой области знания до сих пор существует ряд нерешенных проблем как содержательного, так и методического характера.

Первая проблема такого рода исследований связана с тем, что чаще всего в них изучаются представления о справедливости, а не о несправедливости. Интерес исследователей к изучению представлений о несправедливости появился недавно, а полученные результаты не дают пока возможности четко ответить

на вопрос о различии или подобии норм, использующихся людьми для оценки справедливости исхода события, с одной стороны, и его несправедливости — с другой. В частности, уверенность в том, что в большинстве ситуаций люди используют для оценки справедливости события норму «каждому по труду», т.е. оценивают в качестве справедливого то распределение вознаграждения, которое учитывает вклад каждого участника в конечный результат, не дает нам возможности заключить, что несправедливым будет считаться то событие, в котором этот принцип нарушен. Возможно, что более несправедливым будет считаться то распределение вознаграждения, при котором во внимание не были приняты потребности каждого из участников.

Вторая проблема большинства исследований, посвященных изучению представлений о дистрибутивной справедливости, заключается в том, что в них оценке подвергаются результаты распределения вознаграждения, а не наказания. Так, в большинстве лабораторных экспериментов, проведенных американскими социальными психологами, респонденты распределяли между собой и своим партнером по исследованию оплату за проделанную работу. С другой стороны, в ряде ситуаций, например, в суде присяжных, речь идет, скорее, о справедливости распределения наказания, а не вознаграждения. Результаты проведенных исследований не дают возможности ответить на вопрос о различии или подобии норм, использующихся людьми для оценки справедливости распределения вознаграждения, с одной стороны, и наказания — с другой.

Третья проблема определяется типом событий, исход которых оценивается респондентами, как справедливый или несправедливый. В большинстве экспериментов, проведенных американскими исследователями, задействованы ситуации делового общения — совместного выполнения какой-либо работы. В современных европейских исследованиях речь часто идет о ситуациях, возникающих в ходе

межличностного взаимодействия. Однако оценка справедливости событий, относящихся к экономической и политической жизни страны, а также судебных приговоров, редко становится предметом исследования, тогда как тип оцениваемых событий может оказывать значимое влияние на использование тех или иных норм дистрибутивной справедливости.

Четвертая проблема связана с тем, что в большинстве американских исследований речь шла о сравнении двух норм: беспристрастности и равенства. Поэтому экспериментаторы старались выделять условия, при которых используется каждая из этих норм. Это привело к тому, что об условиях использования других норм дистрибутивной справедливости нам известно мало.

Пятая проблема заключается в том, что в них фиксируются представления о справедливости «здесь и сейчас», тогда как вероятно, что эти представления изменяются со временем, в частности, по мере погружения их носителей в определенный контекст. Например, представления о дистрибутивной справедливости могут меняться по мере вступления человека в политическую жизнь или в ходе вынесения им судебного решения в составе коллегии присяжных заседателей.

Шестая проблема связана с межкультурными различиями представлений о дистрибутивной справедливости, которые были выявлены на материале изучения китайцев, с одной стороны, и жителей нескольких западно-европейских стран — с другой. Проведение подобных исследований в России дало бы возможность провести более полное межкультурное сравнение представлений о дистрибутивной справедливости.

НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОЦЕДУРНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Изучение представлений о процедурной справедливости до недавнего времени проводилось преимущественно посредством эксперимента, в котором ре-

спонденты из разных экспериментальных групп попадали в условия наличия/отсутствия той или иной особенности самой процедуры вынесения решения, при этом ее выбор осуществлялся самими исследователями. В настоящее время изучение подобных представлений идет, в основном, по двум направлениям: поиску объяснений важности представлений о процедурной справедливости для участников взаимодействия и выделению факторов, влияющих на оценку процедуры как справедливой или несправедливой.

Для объяснения *важности представлений о процедурной справедливости* для участников взаимодействия было создано две модели [22]: «модель эгоистического интереса» и «модель групповых ценностей».

В основе «модели эгоистического интереса» лежит утверждение, что вступая во взаимодействие, люди пытаются максимизировать свой выигрыш от него, и минимизировать возможные издержки. Не обладая возможностью полностью контролировать результат, они довольствуются контролем за процессом принятия решения. Это происходит потому, что в случае взаимодействия присутствует не один, а, по крайней мере, два участника, и у каждого из них есть свои желания, которые требуют удовлетворения. Следовательно, не всегда интересы всех участников взаимодействия могут быть удовлетворены немедленно. Тем не менее люди продолжают работать в группе, рассчитывая, очевидно, на получение желаемого результата в будущем. Гарантией получения желаемого в будущем является справедливость процедуры.

Другой вариант ответа на вопрос о важности процедурной справедливости для людей — это «модель групповых ценностей». Согласно ей, членство в социальной группе — важный аспект социальной жизни, поскольку именно принадлежность к группе порождает некоторые представления людей о членах своей и чужой групп и чувства по отношению к ним, которые оказывают влияние на их

социальные установки и поведение по отношению ко многим явлениям социальной жизни. Процедура принятия решения, которая используется в группе, необходима для регуляции процессов, происходящих внутри нее. Согласие членов группы относительно используемой процедуры позволяет предотвратить внутригрупповые конфликты и сохранить группу как целое [29], [32]–[34].

Второе направление исследований представлений о процедурной справедливости связано с определением *факторов, которые влияют на оценку справедливости процедуры*.

Одним из основоположников изучения этих факторов является Г. Левенталь [17], [18], выделивший несколько аспектов оценки справедливости процедуры, среди которых: единобразие (процедура справедлива, если она может быть одинаково использована в разных ситуациях по отношению к разным людям); нейтрализация предубеждений (процедура справедлива, когда принятие решения не зависит от имеющихся у судьи предубеждений); точность передачи информации (процедура справедлива, если дает возможность участникам получать точную и многостороннюю информацию); корректность (процедура справедлива в той степени, в которой содержит возможности коррекции неправильных решений); представительность (процедура должна учитывать основные ценности участников взаимодействия); этичность (справедливая процедура соответствует этическим и моральным стандартам, распространенным в обществе).

По мнению Г. Левенталя, ценность перечисленных критериев зависит от цели взаимодействия. В состав процедуры входит несколько компонентов, в частности, отбор людей для сбора информации и принятия решения; сбор информации; установление правил решения; процесс подачи апелляции на решение и т.д. Каждый из этих компонентов оценивается по шести критериям, при этом для разных компонентов наиболее важными оказываются разные критерии, на-

пример, точность передачи информации важна для этапа сбора информации.

Некоторые авторы добавляют свои критерии процедурной справедливости к тем, которые были выделены Г. Левенталем [17], [18]. Среди таких критериев — наличие права голоса у всех заинтересованных сторон и возможность для человека, являющегося объектом решения, повлиять на исход процедуры.

Проведенные эмпирические исследования представлений о процедурной справедливости позволяют выделить следующие группы факторов, которые определяют оценку процедуры, как справедливой: особенности процедуры, характеристики ее участников, а также особенности ситуации, в которой происходит принятие решения.

К особенностям процедуры относятся такие ее характеристики, как наличие у участников возможности контролировать процесс вынесения решения и его результат [12], выражать свою точку зрения [37], а также тщательное рассмотрение предоставленных доказательств и аргументов [8] и предотвращение влияния предубеждений участников на окончное решение [36].

К особенностям ситуации, влияющим на оценку справедливости процедуры, относятся соотношение между виновностью человека в совершении преступления и принятым решением [38], ограниченность времени принятия решения, подобие требований участников и наличие готовых стандартов для принятия решения [33], характер отношений между участниками [3].

Среди особенностей участников взаимодействия, влияющих на оценку справедливости процедуры, выделяют их принадлежность к определенной культуре. Интерес к межкультурным различиям представлений о процедурной справедливости основывается на предположении о том, что люди, принадлежащие к разным культурам, могут иметь разные представления о целях взаимодействия и, соответственно, способах их достижения. В пользу этого утверждения свидетель-

ствует тот факт, что состязательную процедуру для разрешения споров предпочитают не только американцы и англичане, но также французы и немцы, т.е. представители индивидуалистских культур. С другой стороны, жители Китая — представители коллективистской культуры оценивают справедливость состязательной и инквизиционной процедур примерно одинаково [21]¹.

Несмотря на многообразие полученных данных, для исследований представлений о процедурной справедливости характерен ряд проблем.

Первая из них основана на тесной взаимосвязи, существующей между процедурой и контекстом вынесения решения. Дело в том, что процедуры принятия решения в разных контекстах имеют разную специфику. В частности, процедура, использующаяся в суде присяжных, помимо контроля сторон за предоставлением доказательств, имеет ряд специфических особенностей, не свойственных процедурам, использующимся при принятии деловых или политических решений. К таким особенностям относятся, например, случайный выбор решателей (присяжных), наличие у сторон права их безмотивного отвода, возможность отмены вынесенного вердикта и т.д. Изучение оценки справедливости этих особенностей процедуры могло бы стать одним из направлений исследования представлений о процедурной справедливости. Аналогично, к интересным

результатам могло бы привести изучение оценки справедливости одних и тех же процедур в разных контекстах. И хотя подобные исследования уже проводились, спектр представленных в них контекстов был неширок.

Вторая проблема связана с интересом исследователей преимущественно только к одной стадии процедуры — стадии вынесения решения. Однако еще Г. Левенталь отмечал, что процедура принятия решения многоступенчата и включает как отбор решателей, так и обжалование и отмену решения. Поэтому другим направлением изучения представлений о процедурной справедливости может стать исследование оценки справедливости тех компонентов процедуры, которые связаны с этими стадиями. Рассмотрение разных стадий процедуры в разных контекстах позволит выделить новые факторы, влияющие на оценку ее справедливости.

Третью проблемой изучения представлений о процедурной справедливости является относительное невнимание исследователей к межличностной справедливости — соблюдению некоторых норм поведения в ходе принятия решения. Результаты исследований представлений о справедливости, описанные в разделе, посвященном дистрибутивной справедливости, указывают на немаловажную роль, которую межличностная справедливость играет в структуре представлений о справедливости вообще. Некоторые авторы [4], [23] выделяют три аспекта межличностной справедливости. По их мнению, взаимодействие в ходе принятия решения оценивается как справедливое в том случае, если: тот, кто распределяет вознаграждение, относится к тому, кому он его распределяет, уважительно; человеку, относительно которого принимается решение, дают возможность понять, почему было принято именно это решение; с человеком, относительно которого принимают решение, взаимодействуют честно. Таким образом, еще одним направлением изучения субъективной процедурной справедли-

¹ При состязательной процедуре доказательства, на основе которых выносится окончное решение, предоставляются сторонами, а в задачу судей входит вынесение решения на их основе. Таким образом, этот тип процедуры включает высокий уровень контроля третьей стороной за принятием решения, но низкий — за предоставлением аргументов.

В рамках инквизиционной процедуры основную роль в судебном процессе играют судья и его помощники, которые не только принимают решение, но и самостоятельно изучают доказательства по делу. В ней высокий уровень контроля за решением сочетается с высоким же уровнем контроля за предоставлением аргументов.

вости может стать исследование важности и содержания межличностной справедливости в разных контекстах.

1. Adams J.S. Inequity in social exchange // Berkowitz L. (ed.). *Advances in experimental social psychology*. N.Y., 1965. V. 2. P. 267–299.
2. Bar-Hillel, Yaari M. Judgements of distributive justice // Mellers B.A., Baron J. (eds). *Psychological perspectives on justice*. Cambridge, 1993.
3. Barrett-Howard E., Tyler T.R. Procedural justice as a criterion in allocation decisions // J. Pers. and Soc. Psych. 1986. V. 50. P. 296–304.
4. Bies R.J. The predicament of injustice: The management of moral outrage // Cummings L.L., Shaw B.M. (eds). *Research in organizational behavior*. V. 9. L.: JAI Press, 1987. P. 289–319.
5. Chiu C.-Y. Hierarchical social relations and justice judgement among Hong-Kong Chinese college students // J. Soc. Psychol. 1991. V. 131. P. 885–887.
6. Chiu C.-Y. Responses to injustice in popular Chinese sayings and among Hong Kong Chinese students // J. Soc. Psychol. 1991. V. 131. P. 655–665.
7. Chiu C.-Y. Responses to injustices by Hong Kong Chinese college students // J. Soc. Psychol. 1991. V. 131. P. 205–211.
8. Conlon D.E., Lind E.A., Lissak R.I. Nonlinear and nonmonotonic effects of outcome on procedural and distributive fairness judgements. Unpubl. manuscript. Univ. of Illinois, 1987.
9. Elliot G.C., Meeker B.F. Achieving fairness in the face of competing concerns: The different effects of individual and group characteristics // J. Pers. and Soc. Psychol. 1986. V. 50. P. 754–760.
10. Farwell L., Weiner B. Self-perception of fairness in individual and group context // Pers. and Soc. Psychol. Bull. 1996. V. 22. P. 867–881.
11. Golberg J.H., Lerner J.S., Tetlock P.E. Rage and reason: The psychology of the intuitive prosecutor // Eur. J. Soc. Psychol. 1999. V. 29. P. 781–795.
12. Houlden P. et al. Preferences for modes of dispute resolution as a function of process and decision control // J. Exp. Soc. Psychol. 1978. V. 14. P. 13–30.
13. Keltner D., Ellsworth P., Edwards K. Beyond simple pessimism: Effects of sadness and anger on social perception // J. Pers. and Soc. Psychol. 1993. V. 64. P. 740–752.
14. Kidder L.H., Bellettrie G., Cohn E.S. Secret ambitions and public performances: The effect of anonymity on reward allocation made by men and women // J. Pers. and Soc. Psychol. 1977. V. 33. P. 70–80.
15. Lemerise E.A., Dodge K.A. The development of anger and hostile interactions // Lewis M., 5*
- Haviland J.M. (eds). *Handbook of emotions*. N.Y., 1993. P. 537–546.
16. Lerner J.S., Goldberg J., Tetlock P. Sober second thought: The effects of accountability, anger and authoritarianism on attributions of responsibility // Pers. and Soc. Psychol. Bull. 1998. V. 24. P. 563–574.
17. Leventhal G.S. What should be done with equity theory? New approaches to the study of fairness in social relationship // Gergen K., Greenberg M., Willis R. (eds). *Social exchange: Advances in theory and research*. N.Y., 1980. P. 27–55.
18. Leventhal G.S., Karuza J., Fry W.R. Beyond fairness: A theory of allocation preferences // Mikula G. (ed.). *Justice and social interaction*. N.Y., 1980. P. 167–218.
19. Leventhal G.S., Lane D.W. Sex, age and equity behavior // J. Pers. and Soc. Psychol. 1970. V. 15. P. 312–316.
20. Leventhal G.S., Michaels J.W. Locus of cause and equity motivation as a determinants of reward allocation // J. Pers. and Soc. Psychol. 1971. V. 17. P. 229–235.
21. Lind E.A. et al. Reactions to procedural models for adjudicative conflict resolution // J. Conflict Resolution. 1978. V. 22. P. 318–341.
22. Lind E.A., Taylor T.R. *The social psychology of procedural justice*. N.Y.: Plenum, 1988.
23. Lupfer M.B. et al. Folk conceptions of fairness and unfairness // Eur. J. Soc. Psychol. 2000. V. 30. P. 405–428.
24. Major B., Adams J.B. Role of gender, interpersonal orientation and self-presentation in distributive-justice behaviour // J. Pers. and Soc. Psychol. 1983. V. 45. P. 598–608.
25. Mikula G. On the experience of injustice // Eur. Rev. Soc. Psychol. 1993. V. 4. P. 223–244.
26. Pepitone A., L'Armand K. The justice and injustice of life events // Eur. J. Soc. Psychol. 1996. V. 26. P. 581–597.
27. Platow M.J. et al. Social evaluations of fair and unfair allocators in interpersonal and intergroup situations // Brit. J. Soc. Psychol. 1995. V. 34. P. 363–381.
28. Quigley B., Tedeschi J. Mediating effects of blame attributions on feelings of anger // Pers. and Soc. Psychol. Bull. 1996. V. 22. P. 1280–1288.
29. Reis H.T. Levels of interest in the study of interpersonal justice // Bierhoff W., Cohen R.L., Greenberg J. (eds). *Justice in social relations*. N.Y., 1986. P. 187–210.
30. Reis H.T., Jackson L.A. Sex differences in reward allocation: Subjects, partners and tasks // J. Pers. and Soc. Psychol. 1981. V. 40. P. 465–478.
31. Stake J.E. Factors in reward distribution allocator motive, gender and protestant ethic // J. Pers. and Soc. Psychol. 1983. V. 44. P. 410–418.